

МАГИЯ ФЭНТЕЗИ

Книги Елены Самойловой
в серии
МАГИЯ ФЭНТЕЗИ

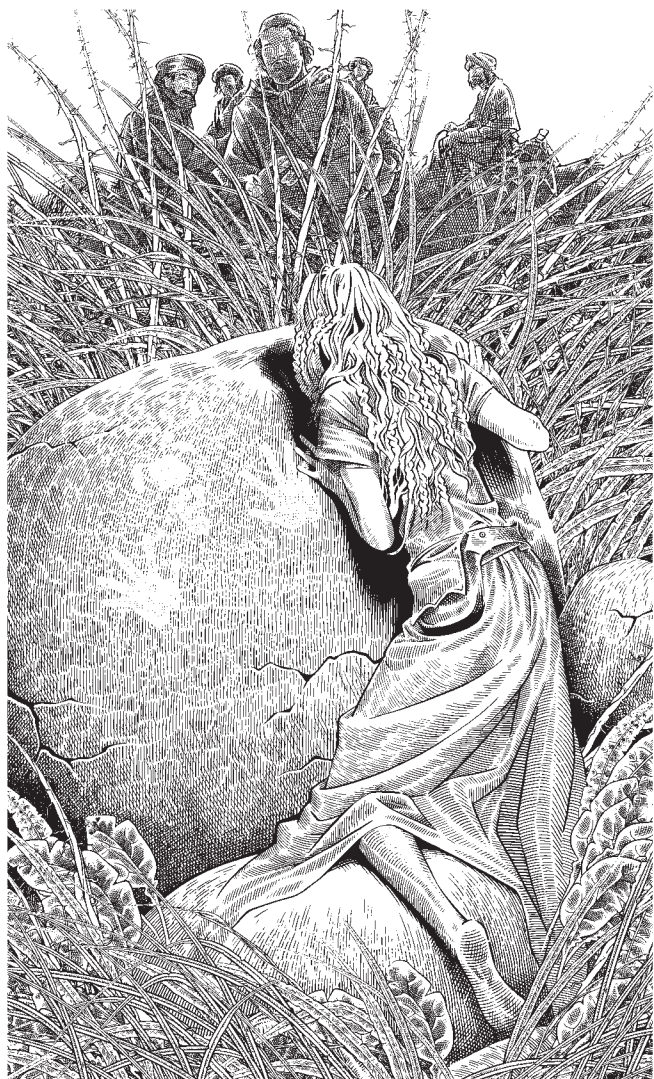
ПУТЕШЕСТВЕННИЦА
КЛЮЧИ НАСЛЕДИЯ
ГРОЗОВОЙ СУМРАК
ЗМЕИНОЕ ЗОЛОТО. ДЕТИ ДОРОГ
ЗМЕИНОЕ ЗОЛОТО. ЛИХОДОЛЬЕ

Цикл
«СИНЯЯ ПТИЦА»

СИНЯЯ ПТИЦА
ЧУЖОЙ ТРОН
ПАУТИНА СУДЕБ

В соавторстве со Львом Кругликовым

ПО ДОРОГЕ В ЛЕГЕНДУ
В ПРОКЛЯТЫХ ЗЕМЛЯХ

Елена САМОЙЛОВА

**ЗМЕИНОЕ ЗОЛОТО.
ЛИХОДОЛЬЕ**

Роман

Москва, 2013
САРМАДА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
С17

Серия основана в 2004 году
Выпуск 484

Художник
О. Бабкин

Самойлова Е. А.

С17 Змеиное золото. Лиходолье: Фантастический роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2013. — 345 с.: ил. — (Магия фэнтези).

ISBN 978-5-9922-1549-6

Долг и нелегкий путь на юг, в Лиходолье. В место, куда стекаются все преследуемые, чтобы избежать погони, место, где умирают свободными, а не в кандалах, и проживают каждый день так, как будто он последний. Ромалийская дорога, начавшаяся у разрушенного шассьего гнезда, вывела золотую шассу и ее спутника — харлекина через степь, облюбованную нечистью, к новому предназначению, которое раз и навсегда определит не только судьбу самой змееды, но и судьбу тех, кто окажется рядом в нужном месте и в нужное время.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

ISBN 978-5-9922-1549-6

© Самойлова Е. А., 2013
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2013

Автор выражает искреннюю благодарность Евгении Шпилевой за полезные дискуссии и консультации по степному климату, а также Льву Самойлову за нестандартный подход к боевым ценам и комментариям по стрелковому вооружению.

Часть первая ПУТЬ НА ЮГ

*Из записок торговца Чернореченского рынка.
Найдено в опустевшем обозе на южном берегу
реки Валуша*

«Многие славенские беглецы и наемники любят поговорку «За рекой выдачи нет», имея в виду ничем особо не приметную реку Валушу, студеную, с быстрым течением и глубоким руслом, богатым на неприятные для лодочников сюрпризы вроде мелей и омутов.

Зимой Валуша покрывается прочным и крепким на первый взгляд льдом, но старожилы и торговцы прекрасно знают, насколько коварно «валушкино зеркало»: покрытый сияющим наметом из жесткого крупитчатого снега, лед в самых неожиданных местах мог оказаться тонким и хрупким, как хрустальное стеклышко, под которым плещется ленивая черная бездна. Выдерживающий даже конного всадника у самого берега, лед на Валуше мог посередине реки раскрыться зияющей полыней, способной в одну минуту поглотить и человека, и лошадь, а уж выбраться из такого «оконца» удавалось лишь редким счастливицам. Потому и зимние переправы через Валушу почти ничем не отличались от летних — те же веревки, переброшенные с берега на берег, те же плоты, только поставленные на широкие полозья.

Медленно ползет по накатанной снежной колее плот, нагруженный товаром и подталкиваемый тремя дюжими молодцами в легких зипунах с обязательным шестом за спиной, а следом идут торговцы, аккуратно ступая и поминутно прислушиваясь, не трещит ли лед, не готова ли вскрыться полы-

нья над подводным ключом. И, казалось бы, речка всего ничего, саженой двадцать от берега до берега, а идут торгаши чуть ли не битых полчаса, бороды инеем покроются, сами задубеют, но надеть теплые овечьи тулупы, горой наваленные на плоту, так и не решаются. Ведь если в шерстяном степнячком кафтане провалишься под лед, то выплыть как-нибудь, да сможешь, а вот в тулупе, как есть, камнем на дно уйдешь.

Летом же рыбаки не знали, как усмирять местных водяных, которые крутились у берега не только в знаменитую Русальную неделю, но и в любой пасмурный или дождливый день, распугивая рыбу и переворачивая лодки. Людей не топили лишь потому, что на каждом, кто приближался к Валуше, на шее обязательно висела обережная ладанка, а на щиколотках болтались тонкие железные браслеты, не позволяющие водяной нечисти утянуть купальщика за ногу на дно. Приходилось перед каждым забрасыванием сетей кидать в воду ободранную тушку кролика или курицы, чтобы русалки не вязали хитрых узлов на снастях, кои уже не развязать — только резать, да и рыбу не прогоняли...

Своенравная и коварная река разделяла Славенское царство и засушливую степь, перемеженную чахлыми лесочками, в народе прозванную Лиходольем, вот только не она принесла нехорошую славу суровой и неласковой земле.

Кем бы ни был беглец, каких бы дел ни наворотил, но стоило ему пересечь Валушу и оказаться на лиходольском берегу, как идущая по пятам погоня останавливалась и поворачивала вспять. Считалось, что в той бескрайней степи преступник понесет более суровое наказание, чем в царской темнице.

Ведь Лиходолье было заполнено нечистой силой, изгнать которую было не под силу даже Ордену Змееловов. Единственное, на что хватило сил у служителей Ордена, — огородить «нехорошее место» высоченными верстовыми столбами из корабельной сосны, снизу доверху расписанными непонятными символами и значками. Столбы эти видны уже с берега Валуши, и верхушка каждого из них выкрашена в яркий алый цвет. Говорят, что если пройдешь мимо такого столба, то обратно уже не вернешься — дескать, не выпустит обережная магия, но это не совсем верно.

Лиходолье охотно принимает любого путника, а вот покинуть его можно лишь в сопровождении служителя Ордена.

Услуги такого сопровождающего стоят недешево, но торговцы, развернувшие на южном берегу Валуши огромный базар, нанимают орденца наравне со сторожами и телохранителями. Ведь в проклятых землях на серебряный нож или холодное железо можно выменять полмешка редких шкур или травяной сбор, за который в крупном городе знахарь не поспеет отдать горсть золота, а такой солидный куш достоин надежной охраны и покровительства Ордена.

Жизнь бок о бок с нечистью сделала лиходольских людей жесткими, суровыми, но одновременно воспитала в них хорошо развитое чувство взаимопомощи и поддержки. Кем бы ты ни был — если ты не охотишься на людей, то тебя примут в любом поселении как своего. Приютят и накормят, и все, что потребуется в обмен, — стать частью общины и при необходимости защитить более слабого, оказать помощь в нужный момент или подняться вместе со всей деревней, чтобы отогнать нечисть, неустанно рыщущую за высоким забором.

Лиходолье воспитало самых сильных знахарей и ведовиев, создающих чудодейственные снадобья и пользующихся почти утраченным ритуальным колдовством, остатки которого бережно хранил и передавал через поколения ромалийский кочевой народ. Говорят, что именно из него и вышли лиходольские ведовии — черноглазые, с обветренными лицами и почти все «зрячие», способные видеть невидимое и отводить беду...

Только вот всего этого слишком мало.

Трещат и раскалываются по всей длине красные верстовые столбы. Выбравшиеся к реке кочевые общины рассказывают о невиданной ранее лютой нечисти, от которой не спасает ни соль, ни серебро, ни хорошая добрая сталь. Пустеют деревни. Все реже доходят вести из самого крупного степного города Златополя, когда-то выстроенного предком нынешнего славенского правителя у желтых песчаных скал над подземной рекой, невесть откуда вытекающей и неизвестно куда впадающей.

И все равно в Лиходолье неиссякающим ручейком стекаются беглецы и воры, проклятые и отлученные, ромалийцы и оборотни.

Потому что лучше уж погибнуть в пасти нечисти на приволье, чем сгнить заживо в подземельях Ордена Змееловов...»

ГЛАВА 1

Погода в середине мая к югу от Загряды оказалась на редкость капризной. Днем припекало солнце, иссушающее наезженную глиняную дорогу и превращающее ее из грязевого болота в широкую охряно-желтую ленту, присыпанную мелкой пылью, а к вечеру поднимался холодный сухой ветер, заставлявший кутаться в теплый шерстяной плащ и прятать лицо под глубоким капюшоном, чтобы не наглотаться пыли. Ночью могли запросто случиться заморозки, отчего трава вокруг стоянки покрывалась тоненьким снежным налетом, таящим с наступлением утра. Дважды мы с Искрой попадали под сильную, недолгую грозу, которая, как назло, застигла нас посреди поля или на обочине дороги, и приходилось прятаться от льющихся с неба потоков дождя в наспех сооруженных из двух плащей шалашах. И еще мы едва не угодили в гнездо лесной нечисти, разбив лагерь в тенистом овраге, за полверсты обходимого крестьянами, но местным колободам одного короткого знакомства с харлекином было достаточно, чтобы благоразумно оставить нас в покое до самого утра.

А до крупного торгового тракта, по которому в это время уже тянулись первые караваны в сторону Лиходолья, было еще дня два пути. Можно было и быстрее — Искра предлагал тихонько увести одну или две лошади, но я отказалась. Мало того, что за конокрадами частенько пускали погоню, так еще мне не хватило смелости признаться, что за время, проведенное в ромалийском таборе, я так и не научилась верховой езде. Лошади будто чуяли мою шассью, змеиную сущность и отказывались слушаться поводыев, идя туда, куда сами считали нужным, а при попытке воспользоваться хлыстом не-

медленно вставали на дыбы и сбрасывали неумелую всадницу. Поэтому после недолгих споров в Лиходолье мы направились пешком, рассчитывая добраться до южного торгового пути, а там уже присоединиться к одному из караванов, идущих к реке Валуше, отделяющей степные земли от Славенского царства.

Когда мы покинули Загряду и устремились на юг, очень быстро выяснилось, что ледяные туманы, сырость и холодная затянувшаяся весна свойственны лишь небольшой области, прилегающей к проклятому городу. Стоило удалиться верст на тридцать, как унылые темные леса и сырые дороги сменились бескрайними зелеными лугами, перемежающимися яркими березовыми пролесками, и узкими глиняными тропинками, шагать по которым оказалось гораздо приятнее, чем по чавкающей под ботинками грязи.

Сегодня нам, можно сказать, повезло, и день оказался по-летнему жарким. К полудню солнце уже прилично припекало непокрытую голову, повязка на глазах пропиталась потом, градом катившимся со лба, и раздражала неимоверно, и кончилось все тем, что я стянула с лица узкую полотняную ленту и с огромным наслаждением взглянула на мир без преграды, а не через мелкую плетеную сеточку.

Перед нами лежал огромный луг, заросший травой высотой едва ли не по пояс. Узкая дорожка, больше похожая на выкошенную посреди зелени полоску, вилась меж цветочных островков к небольшому лесочку, издаലെка кажущемуся темной кромкой на фоне ослепительно-голубого неба. И каждая травинка, каждый цветок виделся мне окруженным тонким светящимся контуром, блеклым и почти незаметным из-за яркого солнечного света. Странное дело, но после того, как случилась моя неожиданная линька в золотой цвет посреди огня и дыма, видеть я стала четче и яснее, как будто бы шассье зрение каким-то образом слилось с человеческим. То, что раньше представлялось мне лишь разноцветными сияющими пятнами с размытым контуром и едва намеченными чертами, обрело четкость и стало ближе к тому, что я различала, будучи ромалийкой. Я стала видеть лица людей, обведенные призрачным сияющим ореолом эмоций и глубинной сути, цветы наконец-то стали венчиками из разноцветных узорчатых лепестков, а не просто изрезанными по краям зе-

леноватыми пятнами, а еще я наконец-то смогла увидеть звезды шассьими глазами.

Прежде ночное небо выглядело переливчатым аметистовым сводом с ярким диском луны, а сейчас оказалось, что этот свод украшен неисчислимым количеством бисеринок-звезд, окруженных мерцающими кольцами всех цветов радуги. Когда я впервые обнаружила это изменение, случайно взглянув на вечернее небо, то всю ночь пролежала без сна, созерцая эту невероятную сокровищницу, равную которой ни на земле, ни под землей не найти, и утром Искре пришлось немало постараться, чтобы поднять меня в дорогу...

Я прикрыла глаза и подставила лицо прохладному ветру, беспрестанно дующему над лугом и несущему терпкий, медвяный аромат цветов. Яркая, благоуханная весна на юге Славенского царства столь отличалась от сырой, холодной и промозглой распутицы вблизи Загряды, что поначалу я не шла — танцевала на узких дорожках, пересекающих некошенные луга. Я постоянно собирала охапки нежных, быстро увядающих полевых цветов и стремилась украсить ими все, даже харлекина, который стоически выносил все издевательства и терпеливо ждал, когда же из моей головы выветрится легкое весеннее безумие. То и дело доставала из небольшого кожаного мешочка, который Михей-конокрад привязал к оголовью переброшенного мне в Загряде лирхиного посоха, золотые браслеты с бубенцами, надевала их на запястья и лодыжки — и тогда над огромным лугом разливался тонкий хрустальный перезвон. Я была пьяна неожиданной свободой, которой мне так не хватало, пьяна настолько, что Искре то и дело приходилось одергивать меня, чтобы я не выдала свою змеиную сущность по глупости или невнимательности...

— Надела бы ты повязку. — Низкий, чуть рокочущий голос вдребезги разнес то восхищение, что я испытывала при созерцании необъятных луговых просторов. Я обернулась: довольно улыбающийся Искра, давно сбросивший и плащ, и плотную шерстяную куртку, еще шире распустил шнуровку на рубашке, будто посмеиваясь над моей невесть откуда взявшейся мерзлявостью, не позволявшей в мае снять плащ без риска схватить простуду. — А то забудешься в караване, что мне тогда делать?

— Она неудобная, — пожаловалась я, растирая переноси-

пу ладонью. — И если все время смотреть сквозь нее, голова болеть начинает.

— Привыкнешь, — отмахнулся харлекин, подходя ближе и всматриваясь в мое лицо. — Кстати, зрачки у тебя стали шире и если не приглядываться, то почти незаметно, что еще совсем недавно змеиными были. А вот радужка как была, так и осталась желтой. Аж блещет на солнце, будто у тебя по золотой монете в глазницах. Так что привыкай к повязке и не смущай честных крестьян. Или ходи с тем, что досталось в наследство от Голоса Загряды.

— Скажешь тоже.

Я недовольно хмыкнула и отвернулась, продолжая путь по извилистой дорожке, изобилующей неровностями и ямками. Тут и зрячему идти нелегко, а уж слепому...

Тогда, в середине весны, мне казалось, что еще немного — и половина города вместе с нами провалится под землю, к странному, непостижимому созданию, прозванному Госпожой Загряды, и все закончится там, в сухом мрачном подземелье, откуда уже никогда не выбраться. Когда Искра метался меж щупалец, стянутых в тугой клубок, вытаскивая людей из-под завалов и буквально забрасывая их в узкие воротца ромалийской колдовской дороги, я мечтала только о том, как бы оказаться подальше от проклятого города. А как мне скрываться от людских глаз и где взять новую человечью шкуру, я даже не задумывалась.

Нам едва хватило времени на то, чтобы вывести людей на «дорогу берегинь», но сами скрыться по ней не успели — знак крови, который я кое-как удерживала перед собой, пошел трещинами и раскололся вдребезги, а вместе с ним и мостовая. Даже речи не было о том, чтобы удержать колдовскую дорожку-тень, — я сама едва не рухнула в образовавшийся провал. Если бы не Искра, в последний момент ухвативший меня за руку и выдернувший из пропасти, откуда тянулся ворох темных щупалец, Орден Змееловов мог бы праздновать победу над очередной золотой шассой.

Мы с харлекином оказались зажатыми у городской стены и, не приди к нам неожиданная помощь, вовсе не выбрались бы.

Я успела увидеть величественную золотую сеть лишь краем глаза за миг до того, как Искра перебросил меня через

плечо, чтобы попытаться пробиться мимо тянущихся к нам со всех сторон «пальцев» Госпожи Загряды. Колдовство дудочника, порожденное далеким эхом пронзительно-чистой мелодии, задержало существо, лезущее из городских подземелий, но лишь на несколько мгновений.

Следующее, что я помню, — ослепительно-яркая вспышка и глубокая тишина, накрывшая город, где мне послышался тихий свист Михея-конокрада, которым ромалиец успокаивал перепуганных насмерть лошадей.

От вытянувшихся на поверхность щупалец остались только легкие сухие оболочки, разлетевшиеся пылью на ветру. Со стороны уцелевших домов не доносилось ни звука — наверняка жители еще не скоро осмелятся выглянуть наружу, чтобы убедиться в том, что опасность миновала. О произошедшем напоминали лишь зияющие провалы, а еще — Голос Загряды, неподвижно застывшая у края разрушенной мостовой. Девушка напоминала статую — бледная, безмолвная, в перепачканном чужой кровью и пылью платье, с пустыми слепыми глазами, уставившимися в черноту. Еще одна покинутая оболочка, в которой не осталось ни разума, ни воли...

Харлекин тогда помог мне перебраться через городскую стену, бесцеремонно спихнул в холодную воду недавно освободившейся ото льда речки, и увиделись мы с ним лишь на берегу в полуверсте ниже по течению, где я с трудом выползла на небольшую отмель у высоченного оврага. И только разглядев, что Искра тащил на плече, я поняла, почему он задержался и не прыгнул сразу же следом за мной.

Мой железный оборотень добыл для меня новое тело, ранее принадлежавшее Голосу Загряды.

Голова на сломанной шее безвольно моталась из стороны в сторону, как у тряпичной куклы при каждом Искровом шаге, а поперек груди тянулись глубокие раны, оставленные когтями харлекина. Свежий труп, который еще можно было использовать для линьки в человека, но не дающий возможности позаимствовать хоть что-то из чужой памяти. Оно и к лучшему — я не хотела знать ничего из того, что помнила Голос Загряды, ничего из ее жизни в качестве проводника чудовищной воли.

Я сбросила золотую шассью шкуру там же, на берегу, под пристальным взглядом харлекина, сидящего чуть поодаль, и

была неприятно удивлена, когда осознала, что глаза у позаимствованного мной тела были слепы с момента рождения...

— Попробовал бы сам пройтись, ничего не видя, по этой дорожке, — вяло огрызнулась я, в очередной раз угодив нижним концом ромалийского посоха, сломанного и потому укоротившегося на треть после бегства из Загряды, в нору какого-то грызуна.

— Я предлагал достать для тебя любое другое тело, на выбор. — Искра как можно невиннее улыбнулся и развел руками. — Ты отказалась.

— А ты ждал, что соглашусь? — Я остановилась, рукавом платья вытерла пот со лба и принялась распутывать туго стянутые завязки плаща. Ветер сегодня теплый, буду надеяться, что не простыну. Эх, и как Голос Загряды оказалась такой неженкой, проживая в сыром, туманном и продуваемом ледяными ветрами городе? Даже закаленным ромалийцам по осени и зиме приходилось туго, а уж такой хрупкой городской девушке загрядские сквозняки должны были вообще стать верной смертью, но не стали ведь. А вот мне, как назло, оказалось достаточно одной лишь ночевки на холодной земле, чтобы на неделю обзавестись насморком и сухим надсадным кашлем.

— Скажем так — я на это надеялся. — Харлекин тоже остановился, терпеливо дожидаясь, пока я справлюсь с плащом и уберу его в мешок из провощенного холста на широкой лямке, болтающийся у меня на плече. Ставшим привычным жестом провел по волосам, кое-как стянутым на затылке в короткий хвостик, растрепанный на ветру во все стороны и потому напоминающий цветок чертополоха, только не розовый, а темно-рыжий. — Извини, но видеть рядом с собой девицу, еще месяц назад бывшую воплощением твари из подземелий Загряды, — нелегкое испытание.

— Вздрагиваешь каждый раз? — язвительно поинтересовалась я, одергивая подол и глядя на Искру снизу вверх. Голос Загряды была на полголовы выше ромалийской девицы, но рядом с харлекином эта разница практически не ощущалась.

— Нет. Голову оторвать хочется, — спокойно отозвался оборотень, ласково оглаживая меня по шее тяжелой теплой ладонью. — Но я к твоему новому облику уже почти привык,

так что можешь не беспокоиться. Хотя смуглая ромалийка была мне больше по вкусу. А повязку все-таки надень. Клятвенно обещаю, что при первой же возможности куплю или украду для тебя шелковую ленту.

— Из тех, что на свет почти прозрачные, а в косе кажутся тяжелыми и плотными?

— Ту самую. — Теплая ладонь соскользнула с шеи, ласково огладила по спине и остановилась на талии. Искра улыбнулся, ловко сдергивая у меня с плеча отяжелевшую сумку, и бодро зашагал по дороге, вынуждая догонять его чуть ли не бегом.

Впрочем, сжалился надо мной он довольно быстро, сбавил шаг, а потом заявил, что привал будем делать у во-он того лесочка, который виднелся на краю огромного поля маленьким зубчатым забором размером с гребешок.

— Шутишь? — Я приложила ладонь козырьком ко лбу, чтобы послеполуденное солнце не било в глаза. — Туда с версту еще идти и идти!

— Хочешь понесу? — недолго думая спросил Искра. Я скосила на него взгляд: увешанный с двух сторон заплечными сумками и оружием, он походил на разбойника с большой дороги, только-только ограбившего воз с поклажей, но еще не успевшего сбуть украденное добро. Для полноты картины как раз не хватало девицы на плече, отчаянно, но впустую колотящей здоровущего увальня маленькими кулачками по спине.

— Рук не хватит, — фыркнула я, пытаюсь обойти вставшего поперек дороги оборотня, но не тут-то было. Оказалось, что свободных рук у него хватит и на меня, потому что не успела я сделать и шага, как оказалась прижатой к широкой груди, в глубине которой гулко и часто стучало сердце.

— Скажи спасибо, что на плечо не забросил, — улыбнулся рыжий, хитро сощурился светлые лисьи глаза.

Вот уж точно. Спасибо.

— С тебя бы сталось. — Я поерзала, пытаюсь устроиться поудобней на жестких руках оборотня. В результате едва не уронила посох, превратившийся в дорожную палку, прямо под ноги Искре, чуть не упала следом сама, запутавшись в длинной юбке, задравшейся выше колен, и не могла успокои-

ться, пока харлекин с тихим горловым рычанием легонько не подбросил меня в воздух.

— Неужели ты не можешь не вертеться? — раздраженно выдохнул мой спутник, останавливаясь и заглядывая мне в глаза. — Ощущение, что я пытаюсь нести огромного ужа, а не женщину. У тебя ведь сейчас нет под юбкой золотого хвоста, что ты все выворачиваешься?

— Так не неси, я сама пойду. — Расстояние, оставшееся до кромки леса, угнетало, но выслушивать в очередной раз отповедь Искры, которая становилась все раздраженнее, мне не хотелось.

— И цветы по дороге собирать не будешь? — едко усмехнулся харлекин, склонив голову набок. В узких зрачках-точках на миг блеснули морозные огоньки, правая ладонь, поддерживающая меня под бедра, похолодела, острые стальные когти ощутимо впились в кожу сквозь ткань платья. — Ты не забыла, что за нами охотятся змееловы? Твой знакомый дудочник дал нам небольшую фору в благодарность за спасение его драгоценной шкурки, но это совершенно не означает, что мы можем беззаботно греться на солнышке и никуда не торопиться. Пока мы не доберемся до Лиходолья, орденские ищейки от нас не отстанут. Вот если бы мы позволили заградской твари сожрать и дудочника, и его чокнутую на всю голову подружку, — тогда и только тогда можно было бы надеяться на долгую отсрочку. Но у тебя духу не хватило ими пожертвовать. И кстати, почему орденцы, едва услышав о шассе с золотой чешуей, бросают все дела и мчатся на поиски, не жалея ни сил, ни средств? Что в вас такого особенного?

— Не знаю.

— Змейка... — очень тихо, очень напряженно произнес Искра, аккуратно ставя меня на землю и глядя сверху вниз. — Ты меня за дурака держишь? Вот этого, — он ухватил меня за руку и прижал узкую, бледную ладонь к едва заметной отметине на груди, под которой скрывался колдовской камень, опутанный золотыми нитями, — никто раньше не мог сделать. Даже не пытался. Несмотря на то что с шассами я встречался, причем не раз и не два. Везет мне на них. А ты стабилизировала мой облик играючи и, как мне кажется, даже не задумываясь о последствиях. Поэтому я спрашиваю еще раз — чем золотая шасса так отличается от остальных змедевок,

если дудочник от одного подозрения дрожит в предвкушении и готов рискнуть не только головой, но и всем, что имеет, лишь бы захватить ее живьем?

— Слушай, я правда не понимаю. — Я осторожно накрыла обратившиеся в полированное железо пальцы харлекина свободной ладонью, чуть сжала холодные пластинки. — Шассы вылупляются из яиц почти одинаковыми, у всех чешуя грязно-серая с крапинками на животе и плечах, но с возрастом ее цвет меняется. У кого-то после нескольких десятков линек, к моменту созревания, она становится черной и очень, очень прочной, самой прочной среди сверстников, и таких шасс обучают быть воинами, защитниками и охотниками. Они самые сильные, самые рослые и защищены лучше остальных. Чем тоньше чешуя, тем она светлее. У женщин и подростков она чаще бронзовая, реже — медно-красная... — Я на мгновение умолкла, аккуратно высвобождая запястье из ослабевшей хватки Искры, развернулась и неторопливо пошла к подлеску у кромки луга. Яркие цветочные венчики, выглядывающие из буйно колосящейся травы повсюду, куда падал взгляд, уже больше не радовали. — У моей матери была медная чешуя, очень яркая и красивая. Да и сама она была чудесной... Но люди почему-то охотятся за нашими шкурами, не жалея ни сил, ни времени, ни средств. Я не знаю, зачем они так нужны змееловам, — у Вика я не спрашивала, а Ровина либо не знала, либо не желала рассказывать.

— И опять ты ушла от темы. — Оборотень в три шага догнал меня и пошел рядом, стараясь подстроиться под мою чуть семенящую, как у многих женщин, походку. — Чем шасса с золотой чешуей отличается от своих же сородичей? Помимо умения управляться с харлекинами и игнорировать песни дудочников?

— Наверное, тем, что умеет немного колдовать. — Я криво улыбнулась. — Когда у кого-то после очередной линьки чешуя становится золотой, она какое-то время светится, а потом в гнездовище появляются взрослые шассы той же редкой масти и забирают подростка с собой.

— И зачем?

— Учить, насколько я знаю. Ровина всегда говорила, что неученый волшебник — это ходячее несчастье, потому что

может навредить совершенно случайно и без злого умысла. И серьезно навредить.

— Понятно.

Харлекин замолчал, и какое-то время мы шли в тишине, нарушаемой лишь шелестом ветра в траве и стрекотанием насекомых. Дорожка в очередной раз круто вильнула, стали заметны две колеи от тележных колес, глубоко вдавленные в когда-то мягкую и податливую, а сейчас закаменевшую под лучами майского солнца глину. Впрочем, узким травинкам-стрелкам оказалось все нипочем — они пробивались сквозь твердую земляную корку целыми островками нежной зелени, среди которой кое-где виднелись крохотные венчики мать-и-мачехи. Удивительная воля к жизни. Казалось бы, семена, случайно занесенные ветром на дорогу, должны были непременно погибнуть под тележными колесами, копытами лошадей, да и просто под ногами случайных прохожих, а нет. Тянутся себе к солнышку, к небу, словно бросая вызов всему миру...

— Знаешь что, — Искра неожиданно положил мне ладонь на плечо, — я тебя не отдам. Ни золотым шассам, ни уж тем более змееловам. Только если меня раздерут на совершенно нефункциональные части.

Я удивленно подняла на него взгляд, но харлекин уже беззаботно улыбался, протягивая мне застиранную добела мягкую льняную ленту.

— Завязывай глаза. Прямо за лесом стоит деревня, и мне не хочется, чтобы мы, уйдя от дудочников, так по-глупому попались кому-нибудь из местных. Здесь из-за близости к Лиходолью к каждому пришлому человеку относятся с редким подозрением.

— Мало ли кому чему почудится, — неуверенно ответила я, но повязку все-таки надела. Гадость редкая. Опять придется смотреть сквозь частую сеточку, без нужды напрягая глаза, и одергивать себя, чтобы не сболтнуть лишнего. Слепая девушка, уверенно идущая по дороге благодаря дорожной узорчатой палке и спутнику, заботливо поддерживающему ее под локоть, подозрений не вызовет, а вот если она кинется помогать споткнувшемуся ребенку или подбирать выпавший у кого-то сверток, то лишних вопросов точно не избежать. Особенно в области, прилегающей к проклятой степи.

— В том-то и проблема, Змейка. — Искра осторожно поправил ленту, чтобы она сидела ровно, и отвел назад ворох пропылившихся косичек, которые я никак не могла собрать в толковую прическу, чтобы не мешались. — Попусту таким людям чудится очень редко.

Оборотень ускорил шаг, увлекая меня за собой и беззаботно насвистывая какую-то не слишком мелодичную песенку, но окружавшее его алое с золотыми сполохами сияние потускнело, кое-где показались тревога и беспокойство, тщательно скрываемые и потому едва заметные. Почти невидимые, как только-только проявляющиеся на отполированных до блеска латах пятна ржавчины, медленно, но верно разъедающие металл.

Искра тревожился каждый раз, подходя к какому-нибудь селу или деревеньке, и чем ближе к южному торговому тракту, тем сильнее. Он тщательно скрывал свое беспокойство за маской отвязной наглости, беззаботности или колкой невозмутимости, старался как можно меньше задерживаться среди людей и покидал поселение раньше, чем местные жители успевали запомнить наши лица.

Вот только его нервозность росла день ото дня, и времена я замечала, как в его «слепке личности» проскакивает яркий огонек-одержимость наподобие того, что я когда-то заметила под сердцем разноглазого дудочника. Непонятная, необъяснимая страсть к чему-то, что нельзя просто так отыскать или прибрать к рукам. Чаще всего харлекин успевал подавить, загасить этот огонек раньше, чем он успевал разгореться хотя бы до размеров пламени свечи, но полностью затушить эту искру ему так и не удавалось.

Она и сейчас мерцала ослепительно-яркой рыжей звездой в сердцевине золотой «заплатки», под которой пряталось проросшее каменное семечко из шассьего подземного сада...

Деревня Овражье пряталась от чужих глаз в широченном неглубоком котловане, оставшемся после высохшего озера. Края глинистой чаши, когда-то бывшие берегами, заросли лещиной и высокой травой, и если бы не дым, поднимавшийся над печными трубами и выдававший человечье жильё, вряд ли случайный прохожий обнаружил бы это поселение за частоколом из вековых елок и березовым подлеском. На-

звание деревни мне прочитал Искра, когда вывел меня по тропинке к широкой наезженной дороге, у обочины которой была установлена шильда, — как оказалось, шассье зрение не позволяет читать. Буквы виднелись едва-едва и казались туманными расплывчатыми черточками, еле намеченными на подгнившей деревянной доске. Я не поленилась — подошла ближе и провела кончиками пальцев по надписи, которая оказалась вырезана довольно глубокими, хорошо ощутимыми выемками. Странное дело — на таррах линии рисунка гораздо тоньше и почти не чувствуются под пальцами, но я их превосходно вижу, будто вышивку из цветных шелковых нитей, а здесь даже не могу сосредоточиться на зыбких черточках, не то что прочитать написанное.

Неширокая желтовато-бурая дорога вывела нас к пологому спуску, по которому можно было сойти вниз, не рискуя покатиться кубарем, но и то пришлось одной рукой упираться посох в утопанную глину, а другой хвататься за Искру, чтобы не споткнуться. Село Овражье, расположившееся в тенистом уголке котлована, состояло всего из шести изб, возвышающихся над высокими луговыми травами на крепких столбах. Как объяснил харлекин, когда я задала ему вопрос о «курьих ножках», столбы, приподнимающие дом, необходимы, чтобы первый этаж не заливало во время весеннего паводка. И дело вовсе не в подземных ключах, когда-то питавших озеро, а в тающем снеге, которого по зиме наматывает в деревеньку прилично, несмотря на лес, дающий неплохую защиту от ветров.

— Интересно, а зачем людям вообще было осушать озеро? — поинтересовалась я вслух, все еще держа левую руку на сгибе локтя харлекина и стараясь по возможности не слишком крутить головой. Искра лишь неопределенно хмыкнул и накрыл мои пальцы свободной ладонью.

— Кто знает. Наемные работники — люди подневольные. Им приказали, они и сделали и, скорее всего, даже не поинтересовались, ради чего. — Харлекин наставительно поднял кверху указательный палец. — А все потому, что простой люд слишком привык подчиняться решениям господ в бобровых шапках и шитых золотом камзолах.

— Не паясничай. — Я легонько сжала пальцы, лежащие на его руке.

— Почему нет? — Искра улыбнулся, а потом осторожно поцеловал меня в щеку и бережно поправил повязку на моем лице. — О, мы не успели даже к забору подойти, а нас уже встречают.

И в самом деле — до шаткого плетня, способного уберечь разве что от волков, оставалось еще шагов двадцать, а у приоткрытых ворот уже теснились полдесятка человек, странно худых, с небольшими колунками за поясом. Сквозь полотняную ленту я заметила вокруг людей лишь призрачную, почти бесцветную дымку, какая встречается у тех, кто находится на грани жизни и смерти. У неизлечимо больных или раненых, стоящих одной ногой в могиле. Именно в такую туманную пелену за несколько дней до смерти превратилось ярчайшее сияние лирхи Ровины, когда она выгорала изнутри от тяжелой легочной болезни, обостренной ледяными зимними сквозняками. Может, в этой деревне люди тоже больны, вот и встречают неласково любых гостей, стремясь отворотить куда подальше от ставшего гиблым места?

— Вы кто такие будете? — поинтересовался высокий, но сильно ссутулившийся мужчина, не снимающий ладони с висящего на поясе небольшого топорика на короткой резной ручке. Я видела такие «игрушки» в таборе, когда в день зимнего солнцеворота ромалийцы соревновались друг с другом в силе и ловкости, стараясь попасть с тридцати шагов в фальшивую монетку, прибитую к толстому бревну. И ведь попадали, да так часто и точно, что одной монеты на всех желающих попросту не хватало, приходилось целую горсть загонять. — Зачем пришли?

— Путники мы. — Голос у Искры звучал ровно и чуть небрежно, но рука, за которую я цеплялась, изображая слепую, напряглась и одеревенела. — К южному тракту идем, хотим присоединиться к торговому каравану. Говорят, платят там хорошо.

— Кому хорошо, а кому и не очень, — хмыкнул «старшина», с трудом расправляя плечи и делая шаг вперед. Ростом он оказался почти вровень с харлекином, но в отличие от широкоплечего и крепко сбитого оборотня был болезненно худым и тощим. Когда-то яркая, а ныне выцветшая до невразумительного коричневого цвета рубаха висела на нем, как мешок на пугале, широкий кожаный ремень оказался оберну-

тым вокруг пояса почти в два раза, да и в целом казалось, будто бы на мужчине надета одежда с чужого плеча, куда как более крепкого и упитанного. — Сомневаюсь я, что в обозе нужен разбойник да слепая девка, там и честных здоровых людей не всякий раз возьмут. И не тянись к мечу, молодец, до чужих дел мне интереса нет. К нам с чего пожаловали?

— Отдохнуть и завтра утром пойти своей дорогой, — негромко ответил Искра, осторожно приобнимая меня за плечо и притягивая к теплему твердому боку. — Женка моя совсем устала, тяжело ей, слепой, на дороге, пусть даже с провожатым. Пустит кто нас на ночь или нам под елкой от студеной ночи укрываться?

— А вот сейчас узнаем.

Я вздрогнула, услышав у себя за спиной высокий женский голос, и едва успела зажмуриться, как чьи-то пальцы грубо сдернули с моего лица повязку, неосторожно зацепив одну из тонких косичек, кое-как собранных лентой на затылке. Слепота обрушилась резко и неотвратимо, как будто кто-то захлопнул в моей голове ставни, отрезавшие от яркого солнечного света. Я неловко качнулась, ощупью ухватилась за Искров пояс мгновенно вспотевшей ладонью и едва удержалась, чтобы не обернуться и не окинуть шассьим взглядом ту, что умудрилась неслышно подобраться со спины даже к харлекину.

— Гляди-ка, и вправду слепая, — произнес тот же самый женский голос, и моего подбородка осторожно, едва ощути-мо, коснулась холодная, будто неживая ладонь. — А так уверенно по дорожке спускалась, будто зрячая.

— Провожатый хороший, — отозвалась я, отодвигаясь прочь от неприятного прикосновения. — Верни ленту, не хочу пугать людей пустым взглядом.

— Нас не испугаешь, милая. — Голос насмешливо взлетел, став неприятно тонким, чуть визгливым, режущим слух. — Мы честных людей не боимся, а уж слепых и подавно. Но вот скрытничавших, прячущих глаза за повязкой опасаемся. Так что если не хочется под елкой мерзнуть — будь добра ходить как есть.

Я молча кивнула, стиснула пальцы на Искровом локте и неуверенно шагнула вперед, на краткое мгновение ощутив на лице прикосновение влажного, прохладного тумана. Пахло

речной тиной, болотом и камышами — наверняка не все озеро осушили до конца и где-нибудь посреди высокой жесткой травы до сих пор скрывается небольшой прудик, оставшийся на месте глубокого омута, илистой чаши, которую ромалийцы называли «русалочьей постелью».

— Ночевать у нас будете, — раздался уже однажды услышанный голос худого мужика с топориком на поясе. — Вы на дочку мою не держите обиды — время сейчас нелегкое, неспокойное. Вот и одергивает она каждого встречного-поперечного, что к нам в Овражье заглядывает.

— Везде сейчас нелегко, а спокойствия даже в Новограде не сыщется, — усмехнулся Искра, ловко поддерживая меня за пояс, когда я неловко споткнулась о вывернутый из земли камешек, больно ушибив большой палец на ноге даже сквозь крепкий башмачок. — Но со слепых там повязки среди бела дня не снимают.

— Нечисть там тоже не у всякого двора встречается, — в тон ответила девушка, а потом сунула мне в ладонь скомканную, чуть влажную от пота полотняную ленту. — Ты не подумай, чужого мне не надо, но вот за свое я буду драться. И не важно, с человеком или с нечистью. Понятно?

— Отчего же не понять, — легко согласилась я. — Своя рубашка ближе к телу.

— Вот и умница. — В голосе девушки послышалась усмешка. — Тогда добро пожаловать, раз пришли. Людям здесь всегда рады.

Тихо стукнулись, закрываясь, створки ворот за нашими спинами, и только тогда я осознала, какая же в деревне стоит тишина. Не мертвая, навроде той, что я слышала в Загряде, когда все звуки будто отсекаются, другая, но все равно неправильная. Птичьи трели доносились еле-еле, как через плотное стеганое одеяло, людские голоса звучали тише, приглушенней, чем у забора. Единственный звук, раздающийся звонко и чисто, — журчание воды где-то неподалеку. Громкое и уверенное — словно бойкий ручеек пробивается из земли чистым студеным ключом, переливается по узкому неглубокому руслу, скатывается по небольшим камушкам-порожкам...

— Здесь ступеньки. — Голос харлекина тоже стал глуше, ниже и раскатистей. Нижний конец палки, которым я про-

щупывала дорогу на шаг перед собой, стукнулся о высокое крыльцо. — Дом на сваях, так что подниматься подольше, чем в обычную избу.

Одна ступень, другая — всего я насчитала восемь. Высоковато получается, хотя, если вспомнить, что домик этот стоит на «курьих ножках», — то в самый раз.

Переступить через низкий порожек, о котором меня так же предупредил харлекин, — и под ногами оказался плотный коврик. Запах свежего хлеба и подгоревших капустных листьев, сухих травяных сборов и нагретого на солнце смолистого дерева. Горница с печью.

Искра осторожно усадил меня на лавку, развернул к столешнице и положил мои ладони на прохладную глиняную кружку с выщербленным краем.

— Пей, хозяйева молоком поделились.

— Спасибо. — Я улыбнулась этим невидимым хозяевам, стучащим за спиной какой-то кухонной утварью.

— На здоровье. — Голос девушки, неласково встретившей нас на входе в деревню, слегка потеплел и уже не звенел перетянутой струной. — Вечером баньку истоплю, помогу тебе волосы промыть от пыли. И какой только изверг такую красоту в степняцкие косички заплел, а? Куда муж-то смотрел?

Вопрос остался без ответа. Я глотнула холодного, чересчур жидкого, будто разбавленного водой молока с легким, почти неощутимым травянистым привкусом и кое-как расправила сведенные плечи.

Искренне надеюсь, что ощущение взгляда, упорно сверлящего спину меж лопаток, мне всего лишь почудилось. До Лиходолья еще далеко, но после Загряды я не верила, что Орден Змееловов может поддерживать порядок в Славении. Что он может хоть что-то, помимо уничтожения «откупных жертв» и поиска шассьих гнезд.

Впрочем, нам ли с Искрой бояться чудовищ?

ГЛАВА 2

Сквозь узкую щелочку в неплотно прикрытых ставнях был виден лишь заливной луг и кусочек огорода, на котором тянулись к небу широкие венчики подсолнухов. Солнце уже

скрылось за деревьями, но последние, уже почти не греющие, закатные лучи еще заливали светом домик, в котором нам разрешили остаться на ночь. Комнатка под самой крышей была крохотной, душной, со скрипучим полом и очень низким потолком, под которым даже мне приходилось ходить, склонив голову, чего уж говорить о более рослом харлекине. Где-то шуршали мыши, пахло пылью, сеном и совсем немного – сыростью и речной тиной.

Деревня как деревня. Тихая, спокойная и малонаселенная. Разве что чем ближе к Лиходолью — тем подозрительнее и недоверчивее жители к пришлым людям, и если раньше на нас с Искрой лишь косо смотрели, то в Овражье дошли до требования снять повязку с глаз слепой. Интересно, что будет дальше? Требование выпить заговоренной воды с солью, прикоснуться к холодному железу и на всякий случай послушать музыку дудочника, если, конечно, таковой каким-то чудом окажется в караване или городке?

Я невольно улыбнулась, пытаясь представить себе смельчака, который рискнет потребовать у Искры выполнения какого-нибудь суеверного обряда, призванного отгонять нечелюдь. Сомневаюсь, что харлекин будет кувыркаться через нож, доказывая, что он не обрастает волчьей шерстью под полной луной...

— Ты здесь, пришлая? — Звонкий, высокий девичий голос неожиданно раздался внизу, под комнатой. Доски тут тонкие, плохо подогнанные — при желании можно переговариваться через щели, а уж с таким голосищем, как у дочки деревенского старосты, и подавно.

— Здесь я, здесь, — неохотно отозвалась я, услышав быстрые шаги, поднимающиеся по узенькой скрипучей лесенке, и торопливо зажмурилась.

Снова темнота, жуткая, непроглядная. И как в такой жить можно? А люди как-то целую жизнь проживают, умудряясь искренне радоваться этой самой жизни, улыбаются и плачут под ромалийские песни, находят любимых и растят детей. Встречала я слепых не раз, пока путешествовала с ромалийским табором, но никогда не думала, что сама окажусь в их числе.

Скрипнула половица, легкие шаги приблизились, и я по-

неволе вздрогнула, когда на колени мне упало жесткое льняное полотенце.

— Пойдем, провожу тебя до бани, а то сослепу на лестнице упадешь и свернешь шею, а мне перед твоим мужем оправдываться. — Сильная, крепкая женская рука поддела меня под локоть и рывком подняла с лавки, да так быстро, что я едва успела схватить полотенце, не давая ему соскользнуть с колен. — Меня, кстати, Литой кличут. А тебя, пришлая?

Я на мгновение задержалась с ответом, а потом назвала имя, когда-то давно, еще в прошлой жизни, данное лирхой Ровиной. Привыкла я к нему и уже редко откликалась на родное, подаренное матерью в шассьем гнездовище. Даже Искра, поначалу пробовавший звать меня шассьим именем, довольно быстро вернулся к ставшему привычным прозвищу и вспоминал о ромалийском имени только в людских деревнях.

— Мия, значит. — Дочка старосты цокнула языком, пару раз повторила новое слово, то меняя ударение, то растягивая гласные. Будто на вкус пробовала. — Пойдем, красавица, в баньку. Я тебя придержу.

— А палку мою взять? — запоздало спохватилась я, пытаюсь вывернуться из цепкой руки Литы, крепко державшей меня повыше локтя. Дотянулась свободной рукой до длинных шершавых пальцев: холодные как лед.

— Да зачем она тебе в бане-то? — удивилась моя провожатая, мягко направляя меня в сторону выхода. — Напитается влажным жаром, а потом того гляди — рассохнется и сломается по дороге, оно тебе надо? Ты осторожней, тут ступеньки начинаются. Я тебя до баньки провожу и обратно, до дома. Или мужа твоего позову, если мне не доверяешь. Давай — ножку вниз, тут ступенька высокая будет...

Вот так с грехом пополам мы и спустились — одной рукой я скользила по гладким перилам, сделанным из тонкого дерева со снятой корой, за другую меня поддерживала Литя, предупредив, когда лестница наконец-то закончилась. Несколько шагов вперед, переступить через порожек — это была горница, я запомнила ее по пряному аромату трав, висевших в пучках где-то под потолком. Еще одна лестница — на этот раз крыльцо. Свежий, ставший сырым и прохладным ветер с запахом застоявшейся воды окатил лицо неприятной

моросью. Странно, только недавно смотрела в окно — небо было ясным, если не считать нескольких пушистых облачков над макушками деревьев, а сейчас кажется, будто его от края до края затянуло сырой пепельно-серой пеленой туч, сыплющей противной изморосью.

— Ой, а вот и муж твой отыскался, — звонко рассмеялась старостина дочка, ведя меня по неровной вытоптанной дорожке. — Ходит вокруг бани да нехорошо так на наших баб зыркает, будто боится.

Искра-то и боится? Ну-ну. Скорее, как и я, чувствует себя неуютно в крохотном людском поселении, где в случае чего не спрячешься, не скроешься в толпе — ведь все здесь на виду. Любая новость разносится быстрее степного пожара, и стоит кому-то в чем-то тебя заподозрить, как вся деревня поднимется и вытолкает взашей, а то и на вилы поднять попытается.

— Видать, любит тебя крепко, — холодно и, как мне показалось, с легкой завистью произнесла Лита, ускоряя шаг и тем самым вынуждая меня ухватиться за ее крепкое, натруженное запястье свободной рукой.

Под пальцами я ощутила какую-то плетеную веревочку не то из конского волоса, не то из тонкого-тонкого льна, протянутую сквозь гладкие холодные бусинки. Амулет какой-то, не иначе. Любят крестьяне увешивать себя побрякушками по поводу и без него, причем в каждой деревне чаще всего оказывается свой оберег «на всякий случай». Будучи еще в ромалийском таборе, я как-то видела у Ровины целую шкатулку, наполненную оберегами со всех концов Славении: были там и крохотные, с ноготок размером, железные подковки, и кольца с выбитыми на ободке словами коротенькой молитвы к единому людскому богу, и плетеные свадебные пояски с кисточками, украшенными костяными бусинами. Разные они все были, и грубые, будто сделанные неумелыми еще детскими ручонками, и изящные, вышедшие из рук городских мастеров своего дела, но их все объединяла одна цель — защитить своего владельца от нечистой силы, от подлунной нежити и призраков.

— Не тронь!

По пальцам сильно, с оттяжкой, хлестнула крепкая ладонь. Я отшатнулась, выпуская локоть старостиной дочки,

отступила на шаг назад, чувствуя под ногами не глинистую дорожку, а скользкую высокую траву, жесткую, колющую лодыжки даже сквозь тонкие вязаные носки. Осока, злая болотная трава. За такую и не ухватишься толком, не изрезав пальцы до крови.

— Куда пятишься, дурища слепая! — Окрик, раздражения в котором куда больше, чем злости. Шершавая натруженная ладонь хватает меня за запястье и тянет прочь из колючей травы. — До пруда пять шагов, еще не хватало, чтобы шею свернула на обрыве!

Я промолчала, покорно позволяя вывести себя на дорожку. Лита, по-видимому, расценила мое молчание как обиду и уже гораздо мягче произнесла:

— Не серчай за грубость. Амулет чужим нельзя трогать, а то силу потерять может.

— Поняла. Я же не нарочно. — Я постаралась улыбнуться, не зная, смотрит ли на меня старостина дочка. — У меня пальцы заменяют глаза, коснулась — вроде как взглядом окинула. От чего оберегаешься?

— От безбрачия, — очень тихо и очень серьезно ответила девушка. — Ты голову наклони, у баньки притолока низенькая. Пришли мы уже.

Скрипнула, открываясь, дверь, и в лицо мне пахнуло влажным жаром с ароматом дыма и еловой хвои. Заливистый женский хохот доносился откуда-то из глубины бани, звонкий, задорный, — похоже, банный день тут устроила вся женская половина этой крохотной деревеньки, и мне, честно говоря, стало не по себе. Было что-то неправильное в этой тесной баньке, где аромат хвои мешался со сладковатым, едва ощутимым запахом болотного аира и перечной мяты. Вроде и Искра за дверью оберегает, чтобы беды не стряслось, и бабам здешним я ничем насолить не успела, а все равно гложет что-то изнутри, царапает, будто туго свернувшаяся внутри человеческого тела золотая шасса топорщит янтарный гребень и тихонечко, предупреждаяще шипит.

— Раздевайся, Мия. — Старостина дочка аккуратно подтолкнула меня к узенькой лавке, на которой я нащупала ворох сброшенной одежды, и захлопнула дверь предбанника, не давая теплу ускользнуть. — Прямо догола. Снимай все. Пока бабы тебя помоют, я быстренько платье твое простирну

и сушить вывешу, а то пропылилось все. Да не бойся ты, не обидят тебя в парильне. Только на высокую полку не забираться, и все хорошо будет.

Я кивнула и принялась теревить узелок на горловине застиранного добела льняного платья, того самого, что валялось, зашитое в мешок, в углу Искровой хибары, где он предпочитал прятаться после не самой удачной охоты в Загряде. Небольшой «ничейный» домик, выстроенный у самой реки. С прохудившейся крышей, обшарпанными стенами и облезлым крыльцом. Помню, как подгнившие мостки стонали под тяжестью железного оборотня, когда тот выбирался из воды, держа меня, успевшую сменить облик и потому трясущуюся от холода, на плече. Как Искра заносил меня в дом, второпях едва не высадив хитро подпертую дверь, как метался по холодному, сырому залу, ища, во что меня завернуть и как согреть, пока я не простыла до полусмерти в человечесем облике. Это платье он нашел уже потом, после того как я проснулась рано утром на полу у жарко горящей печи завернутая в два ветхих одеяла и прижатая к обнаженной груди Искры, успевшего сменить облик и согревавшего меня теплом человеческого тела. Я не стала спрашивать, кому принадлежало это платье, надорванное по плечевому шву и с обтрепанным подолом, но новому телу оно оказалось как раз впору. И оказалось настолько удобным, что позже я не захотела менять его на более нарядное, яркого зеленого цвета, выторгованное харлекином на базаре ближайшего к Загряде села. Так и лежит обновка, аккуратно свернутая, в моей сумке вместе с таррами и золотыми Ровиниными браслетами.

Рядом раздался беззлобный смешок, и прохладные руки старостиной дочки быстро стянули с меня платье вместе с нижней сорочкой, сноровисто обернули колючее, жесткое полотенце вокруг бедер и осторожно завели в разогретую, наполненную влажным паром и залиvistым женским хохотом баню. Но стоило мне пересечь порог, как на голову опрокинулась бадейка с теплой, почти горячей водой, а потом кто-то несильно шлепнул меня веником по спине, отчего я дернулась и едва не зашипела, вжимая голову в плечи.

— Ну что ты боишься, пришлая? Не чурайся, не обидим, — раздался рядом красивый, сочный женский голос, и на плечо мне опустилась горячая мокрая ладонь, узкая и

крепкая, с длинными пальцами. — Садись на лавку, сейчас я тебя как следует пропарю, будешь сиять, как солнышко в полдень.

Кто-то лихо сдернул полотенце с моих бедер и сразу же звонко припечатал мокрыми ветками по обнажившемуся месту, женские голоса зазвучали вразнобой и меня принялись намывать в четыре руки. От пара слегка кружилась голова, запах еловой хвои почти забивал странный, едва ощутимый запах болотной травы, а женщины, промывавшие мои косички от грязи и дорожной пыли, уже не просто болтали и смеялись — они пели.

Пели без слов, выводя одну тягучую ноту за другой, голоса сливались в единый поток, как ручейки в реку, звенели весенней капелью, усыпляя тревогу, расслабляя. Тонкие женские пальцы скользят по спине, затылку, разбирают липнущие к плечам косички, которые теперь тоже пахнут сладковатыми корневищами, влажной землей и водой, затянутой ряской и кувшинками. Все реже шлепает измочаленный венчик по пояснице, будто отстукивая замедляющийся сердечный ритм. Воздуха не хватает — мне чудится, что я плаваю в густом влажном тумане, жарком и душном, что он стягивается вокруг меня плотным кольцом, призрачными объятиями южной речной змеи, что оборачивается вокруг заночевавшего на берегу человека и душит, пока тот спит.

Голоса становятся громче, они дребезжат перетянутой струной, звенят битым стеклом, неприятно режущим слух.

Золотая шасса внутри человеческого тела разворачивает тугие кольца, я почти слышу резкое, предупреждающее шипение, на долю секунды перекрывшее колдовское пение, — и успеваю скатиться с лавки до того, как на нее с шумом обрушивается вода из перевернутой шайки.

Капли, попавшие на плечо, жгут раскаленным железом. Кипяток! Крутой кипяток, который даже не попытались остудить: как зачерпнули из котла, так и собирались вылить мне на голову!

Я оттолкнула женщину, которая пыталась вздернуть меня на ноги, моргнула, возвращая шассье зрение, — и на миг остолбенела.

В перламутрово-сером влажном тумане, заполонившем баню, вокруг меня плясали четыре тронутые угольной черно-

той тени. Зыбкие, не имеющие четких контуров, состоящие из сизой воды с утонувшим на месте сердца тусклым огоньком в черной траурной каемке. Не люди, но и не призраки. Нечто среднее, в равной мере принадлежащее обоим мирам. Блеклое, будто застиранное добела подобие человеческой личины, не имеющее ни одной четкой линии, за исключением глаз — ярких, густо-синих, с голубоватым белком, пронизанным темно-серой сеточкой. Как рисунок на мраморной колонне.

Я зашипела, руками, моментально одевшимися золотой чешуей, стяхнула липкую паутину колдовства, опутавшую меня с головы до ног и отзывающуюся в ушах тонким, высоким звоном. Тени отпрянули, сочный женский голос затянул новую песню — и вода, что разлилась по полу большими лужами, вдруг взметнулась к низкому потолку сплошной завесой, скрутилась сама по себе в тугую жгут, роняющий во все стороны обжигающе-горячие капли, и попыталась выплеснуться мне прямо в глаза. Так стремительно и неожиданно, что я едва успела спрятать лицо в сгиб локтя, обросший жесткой чешуей, как в него ударила струя кипятка.

Из горла невольно вырвалось раздраженное шипение, я слепо махнула перед собой свободной рукой и сразу почувствовала, как короткие когти вспарывают упругую прохладную плоть, как на пальцы льется не кровь, а чуть теплая, вязкая жидкость, больше похожая на разбавленное водой молоко.

Высокий, на грани слышимости визг птицей взлетает к потолку, обрывая стройное пение, и я шагнула назад, нащупывая ручку двери. Заперто.

Беглый взгляд на зыбкие тени, отступившие в жаркое, влажное марево. Запах болотной травы окончательно перебил аромат хвои, да и облако пара, висящее густыми клубами под потолком, стало прохладнее, светлее и теперь больше напоминало туман над рекой.

Озарение как яркая вспышка, как холодная вода, выплеснутая на макушку.

...Худые, униженные широкими перстнями пальцы лирхи Ровины ловко тасовали стопку тарр над низеньким круглым столиком, накрытым синим шелковым платком. В тишине

фургона, занавешенного войлоком, раздавались еле слышные щелчки — это разрисованные деревянные пластинки, перемешиваясь, ударялись друг о друга. Приятно звенели золотые колокольца на тяжелых браслетах, монетки, вплетенные в длинные черные с проседью косы, блестели, отражая неяркий свет лампы. Ровина выравнивала деревянную стопку и начала расклад, то и дело поднимая на меня взгляд бирюзовых глаз. Вытащила первую тарру, на которой я успела заметить женщину, льющую из кувшина воду в небольшое озерцо, расправила ссутуленные плечи и посмотрела на меня внимательно, неотрывно.

— Ясмия, а что ты знаешь о русалках?

Я ненадолго задумалась. О русалках я слышала по большому счету только от рыбаков, что промышляли на реках, а потом продавали улов на торжище, и байки эти, скорее всего, имели мало общего с жизнью.

— Только то, что они живут под водой и у них есть рыбий хвост. А еще то, что русалками становятся юные девушки, утопившиеся из-за несчастной любви, — ответила я, наблюдая за тем, как Ровина с трудом сдерживает улыбку, трепещущую в уголках губ.

— Наверняка там же ты слышала, что русалки лунной ночью выходят на берег и соблазняют женатых мужчин, — усмехнулась Лирха, откладывая в сторону тарры и уstraивая подбородок на сцепленных в замок пальцах. — Знаешь, иногда я удивляюсь тому, сколько разных историй и сказок напридумывали люди, чтобы объяснить необъяснимое или перестать бояться непонятного. А с русалками все не так просто, как кажется на первый взгляд. Они уже не люди, но еще не совсем нечисть.

— А кто же? — Я привстала, чтобы сделать поярче огонек светильника, отчего тени на колышущихся войлочных стенках фургона стали только гуще и четче. Лирха глубоко вздохнула и отвела взгляд.

— Ведьмы, когда-то заключившие договор с водяной нечистью. Несчастные, в общем-то, женщины, которых жажда силы, власти или любви пригнала в полнолуние к заветному водоему, к озеру или пруду. Русалки никогда не рождаются из проточных вод, но жить могут рядом с любой рекой или ручьем. Вода становится их сутью и жизнью, они могут провести

ночь на дне озера и с рассветом выплыть на поверхность обовленными и помолодевшими. Могут управлять дождем и туманом и даже вывести реку из берегов, затопив посевы и дома.

Ровина ненадолго прервалась, села ровно и зябко потеряла ладони друг о друга.

— Ясмия, внученька, достань мне теплую шаль из сундука, прохладно становится. Видать, зима совсем близко подобралась, вот и ноют старые кости, как есть, заморозки чувят.

Я торопливо поднялась с большой, набитой овечьей шерстью подушки, пробралась в дальний угол фургона, где стояли легкие плетеные сундуки, изнутри выстланные провощенной кожей. Такие были почти в каждой повозке — удобные и легкие, не пропускающие воду, их делали ромалийцы долгими зимними вечерами. Часть оставляли на нужды табора, а остальное продавали. Очень ценились на рынках эти ромалийские сундуки: возить в таких товары, особенно полотно, гораздо удобней, чем в тяжелых, окованных железом коробах. Да и стоили плетеные сундуки куда дешевле.

Пальцы нащупали мягкую шерстяную паутину, извлекая на свет лампы светло-серый платок, больше похожий на кружево из воздушных, пушистых ниток. Тонкую, почти ничего не весящую шаль, в которую я могла закутаться почти целиком, можно было с легкостью протянуть через обручальное кольцо, а грела эта «паутина» почему-то лучше хорошего осеннего плаща.

— Держи, бабушка Ровина. — Я подошла к лирхе, осторожно накрывая ее плечи шалью, будто княжеской мантией, и села рядом, стараясь поймать задумчивый взгляд «зрячей» женщины. — А русалки могут жить среди людей или только у воды?

— Могут и среди людей жить, — задумчиво ответила лирха, снимая со стопки верхнюю тарру и кладя ее рядом с первой «рубашкой» вверх. — Но только если привяжут к себе человека.

— Надолго?

— Навсегда. — Взгляд ромалийки становится жестким, холодным, тонкие черные брови сдвигаются к переносице. — До самой смерти привязанный к русалке человек живет за двоих. Быстрее стареет, чахнет, теряет здоровье и силы, а

русалка спокойно ходит по земле и может вовсе не ночевать в озере. Достаточно окунуться с головой в заповедном водоеме на закате — и все.

— И ничего нельзя сделать? — Мне почему-то стало неуютно, как будто бы, сама того не желая, я прикоснулась к чужой тайне. К толком не зарубцевавшейся ране на сердце, которую стыдливо скрывают от посторонних глаз. Лирха качнула головой, монетки, вплетенные в длинные косы, едва слышно звякнули.

— Нельзя. Убьешь русалку — к человеку все равно не вернутся растраченные молодость и здоровье, а вот горя можно принести много.

— Горя? — Я недоверчиво взглянула на лирху. — Разве свобода от русалки, крадущей жизнь, — это горе?

— Если любишь всем сердцем, то еще какое. — Ровина тяжело вздохнула и неожиданно положила теплую сухую ладонь мне на макушку. — Люди — существа странные. Они способны всей душой привязываться к кому угодно, даже к водяной ведьме, выпивающей из них силы и здоровье.

Я так и не задала лирхе вопрос, который крутился на языке.

Может ли человек так же крепко привязаться к шассе?..

Русалки! Здесь, в деревне, выстроенной на дне осушенного озера. Неудивительно, что мужики, встречавшие нас с Искрой при входе в Овражье, казались больными: каждый из них был повязан с русалкой, не имевшей возможности надолго покинуть тот жалкий пруд, который остался на месте заповедного озера. Им уже давно стало тесно, силы на всех не хватало, вот они и потянулись к людям, стараясь зацепить каждого пришлого, чтобы как-то оттянуть собственную неотвратимо наступающую старость. Ведь ведьма, повязанная с водяной нечистью, лишившись источника силы, начинает стареть куда быстрее обычного человека — еще вечером это могла быть юная девушка, которая поутру становится зрелой женщиной, а к полудню превращается в старуху и остается таковой, пока не скроется от солнца на дне заповедного водоема.

Или же пока не привяжется к человеку, который будет стареть вместо нее...

Густой туман, заполонивший баню, стал ледяным, сгустился так, что даже шассьи глаза перестали видеть хоть что-то дальше вытянутой руки. Стало тихо-тихо, только где-то раздавалось еле слышное журчание воды, негромкие всплески, будто кто-то шлепает по мелкой лужице, топчется на месте, не приближаясь, но и не отдаляясь.

Искра, чтоб тебя! Где ты, когда нужен больше всего?!

Я ударила кулаком по двери, доски глухо загудели, но не поддались ни на волосок. Здесь мне русалок не победить — вокруг вода и слишком мало места что для ромалийских плясок, что для драки. Надо наружу, под открытое небо, где у меня есть шанс выстоять и сохранить человеческий облик.

Туман неожиданно разошелся к стенам, как две половинки занавеса, который отдергивали заградские актеры, ставившие малопонятные пьесы на площадях, и прямо в лицо мне с шумом двинулась высоченная, от пола до потолка, водяная стена, пышущая влажным жаром и роняющая с кипящего гребня обжигающие капли.

От очередного удара покрытыми золотой чешуей руками дверной косяк раскололся на длинные узкие щепки, и я вылетела в предбанник, подгоняемая катящимся за спиной водяным валом. Перепрыгнула через чурбачок, которым была заботливо подперта дверь, чуть не наступила босой ногой на торчащий из какой-то досочки гнутый железный гвоздь и выбежала наружу, под открытое небо, плачущее по-осеннему холодным дождем.

— Как ты выбралась?! — Голос старостиной дочки, от возмущения поднявшийся до неприятного, режущего слух визга, раздался совсем рядом, легко перекрывая и шелест дождя, и шум водяной стены, выкатившейся из бани и сорвавшейся со ступенек уже остывшим, чуть теплым потоком.

Я резко обернулась, так, что намокшие косички с еле слышным свистом рассекли воздух и ощутимо шлепнули по плечу. Взглянула на высокую, нескладную девушку шассьим взглядом, безошибочно определяя в ней русалку. Водяную ведьму с едва трепещущим под сердцем пламешком-жизнью. Молодую и, похоже, недавно инициированную более старшими и опытными русалками. Еще не привязавшуюся к человеку и потому обладающую более слабым огонечком, загасить который так же просто, как и тусклую, невесть как теп-

лящуюся искру нежити. Только протянуть когтистую, покрытую золотой чешуей руку, и сдвинуть огонек меж пальцами. Легко — как свечу потушить.

Боги Тхалисса, и *этого* я испугалась?

Холодные капли дождя барабанили по голой и без того мокрой спине, щекотливыми струйками скатывались по плечам, а я смотрела, как блеклый ореол молоденькой русалки окрашивается страхом и возмущением, и чувствовала, как мой собственный страх отступает, сменяясь глухим раздражением. Похоже, что девица положила глаз на Искру, приняв его за здорового, крепкого мужика, привязав которого, сумеет выкупить себе лет двадцать — двадцать пять красоты, молодости и сил. А слепая женка, что он водит за руку, будет только мешать, и потому если она случайно угорит в бане — знать, судьба такая, горькая...

— Змейка!

Я развернулась на знакомый голос, машинально хватая когтистой, поросшей золотой чешуей ладонью деревянный посох с обломанным, сточенным по дороге нижним концом. Над головой глухо рокотал гром, небеса потемнели, и я почувствовала, как по спине начинают колотить мелкие ледяные градинки. Краем глаза заметила яркое, сияющее алым и золотым пятно. Харлекин, злющий до невозможности, одним небрежным ударом отбросил молоденькую русалку в сторону и оказался рядом так быстро, что я даже не успела заметить это стремительное движение. Руки у Искры уже отливают стальным блеском, удлинившимся пальцам не слишком удобно держать короткий широкий меч, а из горла вырывается низкое, глухое рычание...

Мгновение затишья — и прежде, чем харлекин успел кинуться на русалок, раздается грубоватый, резкий окрик, который разом перекрыл и шум дождя, и плеск бурлящей в прудике воды. Град мгновенно прекратился, и я с изумлением увидела, как русалки отступают к людям, столпившимся на дорожке, ведущей от домов к бане. К тем самым «привязанным», вооруженным самострелами и грубо ошкуренными острогами.

— Уходите. — Голос худого мужика, того самого, что встречал нас у ограды, едва заметно дрожал. Староста Овражьего посторонился, пропуская вперед человека, который

бросил на дорогу туго увязанный тючок, из которого высовывалась ременная лента Искровой походной сумки. — Забирайте свое добро и уходите. Они вас не тронут.

— А вас? — Я почувствовала, как на мои плечи опускается плащ Искры, и торопливо запахла широкие полы, скрывая наготу. — Вы знаете, кто они?

Человек не ответил, но я и так поняла, что знает. Причем очень давно. И возможно, еще до того момента, как одна из русалок привязала его к себе. До того, как водяная ведьма родила ему дочь — ребенка, который по достижении определенного возраста вынужден был ночевать не в постели, а на дне затянутого ряской, постепенно мелеющего пруда. До того, как пришлось подыскивать ей «жениха»...

— И не стыдно было? — Искра сунул меч в ножны, уверенной, чуть развязной походкой подошел к тюку с вещами, забрасывая его на плечо совершенно спокойно, будто не замечал ни направленных на него самострелов, ни русалок, жавшихся к воде заветного пруда. — До Лиходолья всего ничего, а вы здесь русалок прикормили, да еще и путников в расход пускаете. Змееловов на вас нет.

— Не тебе стыдить. — Долговязый староста аккуратно положил самострел на утоптанную землю и пошел к дочери, все еще ничком лежащей в высокой траве. Помог подняться, встряхнул, краем рукава обтер мокрое от слез лицо, на котором уже расплывался здоровенный синячище от тяжелой Искровой руки, огладил по встрепанным волосам. Поднял меня усталый, тяжелый взгляд. — Как думаешь, сколько лет моему ребенку?

Харлекин пожал плечами, запуская руку в тюк и нашаривая там зеленое платье, которое протянул мне, все еще прячущейся за его широкой спиной от чужих взглядов.

— Восемь, — тихо произнес человек, и я, пытавшаяся натянуть платье, изобилующее завязками, через голову, ненадолго перестала бороться с одеждой и выглянула из-за спины Искры, думая, что ослышалась. На вид девушке было не меньше семнадцати, и даже плачущей она казалась не сильно моложе. — Дети русалок очень быстро взрослеют, а старятся еще быстрее. Еще полгода, самое большее год — и она будет старухой.